

Bombay

Tel: 263451

Client:

Subject:

Financial Express, Bombay

13 OCT 1974

## Cultural roundabout

## Diplomatic inoffensive

By S. Shankar Menon

WITH evening temperatures in Bombay slipping into the lower twenties centigrade, Mrs. Marmaduke Moore is in full cry. She, as any reader of Ogden Nash will remember, went through Seven Spiritual Ages of willing agony and during her middle period, as it were —

She haunted museums and galleries  
And pleased young men by augmenting their salaries.  
It shouldn't occur, but it does occur  
That poets are made by fools like her.

We have our quota of Mrs. Mehra, Kapoors, Nairs and the rest who flit delicately from inauguration to retrospective to chamber music, enlivening the scene with their perfume and hairdos, ensuring the very necessary survival of the struggling painter and the hopeful vendor of verse.

And now that the foreign missions have launched their diplomatic offensive in their air-conditioned auditoriums the scene has never been better. In this dazzling week that was, the Americans had 'Carousel' at the USIS, which like all their films for display here (The Andersons, Cheaper by the Dozen, Twelve O'Clock High) is compounded in equal proportions of schmalz and nostalgia, good clean frontier virtues and optimism for the Great American Dream.

The British Council had a film of 'Romeo and Juliet' in ballet, with Rudolf Nureyev and Margot Fonteyn, choreographed by Kenneth MacMillan and brilliantly danced by the Royal Ballet. Prokofiev's music staggered through an archaic sound system that spoils so many of the British Council's excellent films. Kenneth Clark's incredible 'Artistic History of Western Civilisation' in 13 parts survived even the transport difficulties caused by the railway strike, before kneeling in carthusian simplicity to the loudspeakers. Lawrence Olivier's 'Othello' some weeks ago ranted several decibels more than he wanted to rave.

The Alliance Francaise has a tightly knit, almost secret conclave of films and discussions at the Theosophy Hall, but it is Max Muller Bhavan that has emerged at the Stuttgart Hall with a very wide variety of music, lectures and art, most of which is available to any one who bothers to

read the engagements column in daily newspapers.

With something carefully planned for every evening, and the programmes getting off to a Teutonically punctual start, the last week had a melee of discussions on co-operatives, town planning and palmistry, a film on urban planning, an exhibition of paintings by the Astitva group of artists and even a veena recital by Vidwan K. S. Narayanswami.

Free admission to Narayanswami playing the veena would be viable only in South Bombay. There would have been a stampede in Matunga. As it happened, a few people sat around while the Vidwan with total devotion, and consummate tact, raced through Sahanu, Mayamalavagowla, Darbar, Kalyani, Karaharapiya and Kedaragowla.

This introduction of such time-honoured classical carnatic music into the alien temperatures of Colaba is typical of Max Muller Bhavan's effort in trying to find new fields of audience participation.

In fact, in an evening when there were three art inaugurations Paramjit Singh's, the Nicholas Roerich and the Astitva group, Mrs. Rein of Max Muller made the most gracious, simple and endearing speech. With such personal interest, Max Muller Bhavan and Stuttgart Hall promises to be the centre of a lot of activity for many months to come.

This month alone there is a film on the 'atomic age' on Monday, the 14th, a concert of the Bombay Chamber Orchestra with Christine Endering the soloist on violin, on the 15th, with another concert on the 20th, a free film on German Sports, on the 21st October, a lecture on current techniques in western music composition on the 22nd by Claren Baslow, followed next day with a lecture on musical aesthetics and more classical western music in the last week of the month.

The Italian Embassy also weighed in during the week with the Duo di Roma — violin cello and piano recital of Beethoven's variations on themes from Mozart's magic Flute & Handel's Judas Macabbeus besides a Beethoven and Rachmaninoff sonata. The pianist Oirnella Santoliquido was brilliant for such a lesser known performer, stating the splendid opening theme of the A major Sonata with an authority

that only confirmed her flawless interpretation of Rachmaninoff's only sonata for piano and cello. Amfiteatrof on the cello was a splendid foil.

Yet, the foreign missions operating within the limited radius of less than a mile in South Bombay, reach only a small westernised elite. Since they have the resources, introducing classical Indian artistes like veena Narayanswami to such audiences, is very useful. It will perhaps serve their purpose better still if western culture were taken to the suburbs and the liberal doctrines that go with that way of life presented for examination among the more traditional elite.

Perhaps the Common Market Consulates that are so active here — Britain, France, Germany, along with the USIS, can pool resources and build a really lovely centre at Kala Nagar Bandra. Since the artists have a colony there and the new development of Bombay is in that area, the Government may even provide a good plot of land.

Bolstering the westernised elite with these palliatives of symphony and ballet will only perpetuate a group that has already begun to have its credentials questioned. The new generation of artists and thinkers who have contributed so much to Marathi

theatre and classical Indian music, for example, live in the suburbs. Their exposure to western forms are more relevant for us in the long run and this will never happen substantially if such activities are only within the back-slapping old-boy network of Kala Ghoda and New Marine Lines.

HUSAIN'S Chola Prints, Bendre's retrospective and Paramjit Singh floating away from his own rocks all in one week. Husain at Pundole is open till October 23, Fey Ganpatis, Shiva and Parvati walking hand in hand into the sunset and all. His assured lines seek to probe into the linear life of a Chola bronze and give a new dimension to it. The imprints on burlap reveal Husain's capacity to successfully seek new forms and it is unlikely that Chola art will ever be the same again.

Bharati Kapadia, who designed a very unusual brochure for this exhibition (with a Husain print as a giveaway), is one of the 12 painters of the 'Astitva' group currently showing at the Stuttgart Hall. Her two oils in dark blue-Juxtaposition and Reflection, are perhaps the best of a very mixed collection. Anandmohan's water colours are promising. Adivrekar and Gautam Vagbela also have something definite to say, while Thakore Patel executes badly a

good idea of subdividing a large panel into small sub-sections. Wankhede's colleges are also interesting.

The main purpose of 'Astitva' is to enable unpopular artists to survive, by buying at least one painting in their shows. The inherent danger of subsidising bad art lurks here, but the idea in itself is highly commendable.

Bendre, meanwhile, has come and gone over the week, his retrospective a delightful voyage into a life time of careful development away from the perilous rocks of schools and isms. A pity some of his better work was not available TIFR for instance, kept away at least three good paintings, though they sent No. 17 'Sunflowers' of 1955 and 'Sea Shore & Sands' of 1964 which mark his change into a more modern idiom. The 'Portrait of a House' also in the TIFR collection, shows Bendre's fondness for light colours blending into the harmony of the countryside.

Paramjit Singh, meanwhile, has returned from Europe, having listened to the searing blues and greens of fjords and glaciers. Priya Karunakar's introduction to his present phase is very lucid within Sean Mahoney's design of an excellent folder.

The artist's world has changed from his satellite rocks to paths

meandering through the wood into which a mysterious door opens. (No. 6) and on the outside granite walls enclose a vase of flowers in a window. The blues and greens are very much in evidence though, as also his soaring rocks, levitated from mundane realities. A pity the paintings that seek to explore the realms of space, have so little around in which to hang and be seen.

Mahendra Patel, Ajit Desai and Amrut Patel from Gujarat are still opening out their metropolitan wings. After provincial successes, Mahendra Patel's lions at best present a continuity of theme. Ajit Desai's suspended squiggles with plants and cacti have little relevance. Amrut Patel explores the more peaceful aspects of Shiva's third eye with much more effect than the other two painters. Drawing heavily from Santosh and Balkrishna Patel, his painting (No. 15) showing red as the vibrating colour in Shiva's tandav, is perhaps the most successful.

THE Newman Choir at Patkar Hall really provided music for a troubled world. An off-shoot of the Eucharistic Congress Choir, under Father Fernandes's carefully chosen music, there were two very restful hours on two evenings.

A balanced programme included the 'Kyrie' and 'Sanctus' from the Hallelujah Mass set to beat music, a playful calypso, 'Buy me a Chocolate' that had the deeper religious significance of a child being told not to ask for things when people do not have enough to eat.

The solos were good, with Jean Anne Kingdom clearly outstanding, though basically a mezzo Soprano in the Paranjoti Choirs and now singing contra to. The Neo-Gospel songs by the Mathew sisters were the most popular part of the evening, the soloist Flora Mathews even in here severe Baptist sari singing with a clear and passionate religiosity that swept the evening into an experience out of the ordinary.

Bathozar Fernandes has a lot of talent. He arranged the music for the Orchestra, and though basically a violinist, played the trumpet, though on the first day he struggled with that instrument at the best of times. The flau-



Husain's Fey Ganapatis on burlap.



Sunday Standard, Bombay  
13 OCT 1974

# Nicholas Roerich... a many-splendoured man

By K. P. S. MENON

IT is but rarely that a man is held in as much esteem, admiration and affection in other countries as in his own.

Nicholas Roerich was one such. The centenary of his birth, which fell on October 9, is being celebrated in leading countries in three continents: in Russia, where he was born and brought up; in India, which he made his home for the last twenty years of his life; and in the USA, which has the largest collection of his paintings, housed in a twenty-nine storeyed building in New York, which was erected in his honour in 1929.

Nicholas Roerich was a man of inter-continental fame, because he was a man of super-continental dimensions. As someone said, continents were to him what provinces are to lesser men. At a time when the world had not shrunk as it has today and travel was not so easy or speedy, Roerich flitted from one country to another, from one continent to another and found himself at home everywhere.

Yet Roerich was a Russian in every fibre of his being. The Slav soul, like the Indian soul, has always yearned for the infinite. This yearning has taken different forms in different ages. Why, the attempt to establish communism is itself a manifestation of this yearning: the yearning to grasp Utopia by the neck and bring it down from the clouds, or, to use Biblical language, to establish the kingdom of God on earth. In this process, God himself may recede to the background, but what does it matter if his kingdom prevails? Not the kingdom of God in a credal sense, but in the sense of a society in which there will be no exploitation of man by man; and men and women will endeavour to observe those elementary virtues on which the prophets of all ages and all climes have laid stress.

As an artist Roerich fulfilled his yearning for the infinite by his grand paintings of the Himalayas, which soar into the empyrean defying the march of time. "I am proud," said Roerich, "that I have been destined to glorify the sacred Himalayas in my pictures. Loving India as I do and being a Russian I am happy that the Himalayas have been praised in the history of Russian art with love and respect."

Roerich also had a messianic sense of mission which the greatest Russians have always had, such as Leo Tolstoy, Dostoyevsky, Maxim Gorky and Lenin. Hence his crusade for peace. He was particularly concerned at the possible destruction of great works of art and historical monuments in war. As early as 1904 Roerich proposed to the Society of Architects in Russia his plan for the creation of the Banner and Pact of Peace. Again, in 1914, he submitted it to the state authorities. Under the Pact all buildings flying the Banner of Peace designed by Roerich would be immune from attack.

This Pact was ratified by three dozen states at the International Convention of the Pact and Banner of Peace held in Washington in 1933. And the Banner is to be placed by the Soviet Government at the top of the second highest peak in the Altai Range which is to be named after him.

If Roerich was a Russian to the tips of his fingers, he also suffered for being Russian. In 1924 he organised a scientific expedition, which lasted for nearly five years, across the heart of Asia, the roof of the world, from Sikkim through Tibet, Sinkiang and Mongolia to Russia. At that time the anti-communist fever was at its height. Churchill was inveighing against "the foul buffoonery of communism" and Poincare against "that howling wilderness of communism, Russianism."

The British Government of India suspected Roerich as a Russian spy, "the bearer of the communist menace". They therefore prodded the Tibetan authorities and in those days Tibet was under the thumb of Great Britain, to harass the Roerich expedition. Let Roerich himself speak of what he and his companions suffered:

"In spite of our possessing Tibetan passports the expedition was stopped by the Tibetan administration by

force on October 6th, two days to the north of Nagchu. With inhuman callousness it was detained for five months at an altitude of 15,000 feet above sea level, with members of the expedition having to live in summer tents while the temperature was 40 degrees below zero. They suffered from a shortage of food and fuel. Five men, Buryat Mongols and Tibetans, died during their stay in Tibet and ninety animals perished.

"On an order of the authorities all the letters and telegrams, addressed to the Lhasa Government, to the American consul in Calcutta and to the British administration were withheld. Members of the expedition were also forbidden to buy food from the local population. Our money and medicines were exhausted. The fact of the presence of three women among the members who had medical certificates testifying to their suffering from heart disease was not taken into account. It was with great difficulty that the expedition was at last permitted to proceed southwards on March 4th."

If Russia was Roerich's homeland, India was his chosen home. "I shall always think of India," said Roerich, "with the same feeling of joy as of the first flower upon a spring meadow."

Roerich might almost be said to have had hereditary connections with India. His family estate in Leningrad was known as "Iswara," the holiest of holy names in Hinduism. Roerich says that an Indian Prince used to live close to it in the time of Catherine the Great, and traces of a Mughal park remained till the days of his childhood. He also says that his wife's uncle went to India in the middle of the 19th century and subsequently appeared at a ball in the court of St. Petersburg in a beautiful Rajput costume.

Roerich has said that as a child he was attracted by an old painting of an imposing mountain in the possession of his family, which he subsequently learned to be Mt. Kanchenjunga, the 2nd highest peak in the Himalayas. The boy who admired the picture of Mt. Kanchenjunga was destined to be the greatest painter of the Himalayas. "When you look at these paintings," said Prime Minister Jawaharlal Nehru, "you seem to catch the spirit of those mountains which have towered over the Indian plain and been our sentinels for ages past... We cannot help feeling a great sense of indebtedness to Nicholas Roerich who has enshrined the spirit of those mountains in these magnificent canvases."

Roerich spent the last twenty years of his life in India in a lovely villa in Kulu, in the foothills of the Himalayas, incessantly writing and painting. His published works include twenty-seven volumes and he executed 7,000 paintings, each of which was a masterpiece. No one has succeeded in depicting the power, the splendour, the mystery, the vast silence and varying moods of the Himalaya mountains so well as Roerich has done in his luminous pictures.

The versatility of Roerich was truly remarkable. He was at once scholar, writer, painter, explorer, archaeologist, thinker and philosopher. All his activities issued from his innate humanism. In the early part of the century he knew that the world was drifting towards war. He depicted the tragedy which overtook mankind in some powerful pictures, the very titles of which are eloquent, such as Ominous Signs, The Lost Angel, The Lurid Glare, The Doomed City and The City of Serpents.

Beyond the present travails, however, Roerich saw a vision of a world at peace. This vision, too, he enshrined in pictures with such tell-tale titles as The Bridge of Glory, Himself Came and The Sign of Maitreya. In The Sign of Maitreya we see a devout Tibetan surrounded by lofty peaks and praying to a colossal rock-hewn figure of Maitreya; and there passes before his mind's eye the figure of "The Great Horseman" riding across the sky in the form of a cloud. The Great Horseman is to be The Great Liberator of Mankind.

Thus Roerich was at once a realist and an idealist: a realist who

saw all too clearly the perils and dismays of humanity, and an idealist in cherishing and nourishing the hope for a brighter future. He was indefatigable in promoting the friendship between peoples of different regions, different races and different religions. In particular he promoted the friendship between the peoples of India and Russia. He was, as Dr Kalidas Nag said, "The first Russian ambassador of beauty who brought to India the deathless message of art... and thus brought the soul of Russia and India together."

Roerich died in 1947, the year when India attained freedom. If he had lived for another quarter of a century, he would have rejoiced to see India and Russia drawing closer together in every field of human activity and concluding, in the grimmest hour of independent India's history the momentous Indo-Soviet treaty of peace, friendship and cooperation.

Maxim Gorky described Roerich as "one of the greatest intuitive minds of our age". An all-embracing intuition lay at the base of his art. "His art," says an eminent critic, "knows no limitations of time and space, for he envisages the universe in its past, present and future as a unit, a continuous song, binding the stone age to the age of electricity."

The age of electricity has given way to the age of the atom. In the atomic age the dangers for civilisation have multiplied a hundredfold; so have the prospects for man's happiness. The life of Roerich who, with a brush and pen, mightier than the sword, carved out of path of beauty in the thicket of life is an even greater source of inspiration in this harsh atomic age than in his own period.

678



Bombay

Tel: 263451

Client:

Subject:

Sunday Standard, Delhi

13 OCT 1974

# Roerich: a many-splendoured man

by K. P. S. Menon

IT IS but rarely that a man is held in as much esteem, admiration and affection in other countries as in his own. Nicholas Roerich was one such. The centenary of his birth, which fell on October 9 was celebrated in leading countries in three continents: in Russia, where he was born and brought up; in India, which he made his home for the last twenty years of his life; and in the USA, which has the largest collection of his paintings, housed in a twenty-nine storeyed building in New York, which was erected in his honour in 1929.

Nicholas Roerich was a man of inter-continental fame, because he was a man of super-continental dimensions. As someone said, continents were to him what provinces are to lesser men. At a time when the world had not shrunk as it has today and travel was not so easy or speedy, Roerich flitted from one country to another, from one continent to another, and found himself at home everywhere.

Yet Roerich was a Russian in every fibre of his being. The Slav soul, like the Indian soul, has always yearned for the infinite. This yearning has taken different forms in different ages. Why, the attempt to establish communism is itself a manifestation of this yearning: the yearning to grasp Utopia by the neck and bring it down from the clouds, or, to use Biblical language, to establish the Kingdom of God on earth. In this process, God himself may recede to the background, but what does it matter if his Kingdom prevails? Not the Kingdom of God in a credal sense, but in the sense of a society in which there will be no exploitation of man by man; and men and women will endeavour to observe those elementary virtues on which the prophets of all ages and all climes have laid stress.

As an artist, Roerich fulfilled his yearning for the infinite by his grand paintings of the Himalayas, which soar into the empyrean defying the march of time. "I am proud", said Roerich, "that I have been destined to glorify the sacred Himalayas in my pictures. Loving India as I do and being a Russian I am happy that the Himalayas have been praised in the history of Russian art with love and respect."

Roerich also had a Messianic sense of mission which the greatest Russians have always had, such as Leo Tolstoy, Dostoyevsky, Maxim Gorky and Lenin. Hence his crusade for peace. He was particularly concerned at the possible destruction of great works of art and historical monuments in war. As early as 1904 Roerich proposed to the Society of Architects in Russia, his

plan for the creation of the Banner and Pact of Peace. Again, in 1914, he submitted it to the State authorities. Under the Pact all buildings flying the Banner of Peace designed by Roerich would be immune from attack.

This Pact was ratified by three dozen states at the International Convention of the Pact and Banner of Peace held in Washington in 1933. And the Banner is to be placed by the Soviet Government at the top of the second highest peak in the Altai Range which is to be named after him.

If Roerich was a Russian to the tips of his fingers, he also suffered for being Russian. In 1924 he organised a scientific expedition, which lasted for nearly five years, across the heart of Asia, the Roof of the World, from Sikkim through Tibet, Sinkiang and Mongolia to Russia. At that time the anti-communist fever was at its height. Churchill was inveighing against "the foul buffoonery of communism", and Poincare against "that howling wilderness of communism, Russia." The British Government of India suspected Roerich as a Russian spy, "the bearer of the communist menace." They, therefore, prodded the Tibetan authorities — and in those days Tibet was under the thumb of Great Britain — to harass the Roerich expedition. Let Roerich himself speak of what he and his companions suffered:

"In spite of our possessing Tibetan passports the expedition was stopped by the Tibetan administration by force on October 6th, two days to the north of Nagchu. With inhuman callousness it was detained for five months at an altitude of 15,000 feet above sea level, with members of the expedition having to live in summer tents while the temperature was 40 degrees below zero. They suffered from a shortage of food and fuel. Five men, Buryat Mongols and Tibetans, died during their stay in Tibet and ninety animals perished. On an order of the authorities all the letters and telegrams addressed, to the Lhasa Government, to the American Consul in Calcutta and to the British administration were withheld. Members of the expedition were also forbidden to buy food from the local population. Our money and medicines were exhausted. The fact of the presence of three women among the members who had medical certificates testifying to their suffering from heart disease was not taken into account. It was with great difficulty that the expedition was at last permitted to proceed southwards on March 4th."

If Russia was Roerich's homeland, India was his chosen home. "I shall always think of India," said Roerich "with the same feeling of joy as of the first flower upon a spring meadow."

Roerich might almost be said to have had hereditary connections with India. His family estate in Leningrad was known as "Iswara", the holiest of holy names in Hinduism. Roerich says that an Indian prince used to live close to it in the time of Catherine the Great, and traces of a Mughal park remained till the days of his childhood. He also says that his wife's uncle went to India in the middle of the 19th century and subsequently appeared at a ball in the court of St Petersburg in a beautiful Rajput costume.

Roerich has said that as a child he was attracted by an old painting of an imposing mountain in the possession of his family, which he subsequently learned to be Mt Kanchenjunga, the 2nd highest peak in the Himalayas. The boy who admired the picture of Mt Kanchenjunga was destined to be the greatest painter of the Himalayas. "When you look at these paintings", said Prime Minister Jawaharlal Nehru, "you seem to catch the spirit of those mountains which have towered over the Indian plain and been our sentinels for ages past... We cannot help feeling a great sense of indebtedness to Nicholas Roerich who has enshrined the spirit of those mountains in these magnificent canvases."

Roerich spent the last twenty years of his life in India in a lovely villa in Kulu, in the foothills of the Himalayas, incessantly writing and painting. His published works include twenty-seven volumes and he executed 7,000 paintings, each of which was a masterpiece. No one has succeeded in depicting the power, the splendour, the mystery, the vast silence and varying moods of the Himalaya mountains so well as Roerich has done in his luminous pictures.

The versatility of Roerich was truly remarkable. He was at once scholar, writer, painter, explorer, archaeologist, thinker, and philosopher. All his activities issued from his innate humanism. In the early part of the century he knew that the world was drifting towards war. He depicted the tragedy which overtook mankind in some powerful pictures, the very titles of which are eloquent, such as Ominous Signs, The Lost Angel, The Lurid Glare,

The Doomed City and The City of Serpents.

Beyond the present travails, however, Roerich saw a vision of a world at peace. This vision, too, he enshrined in pictures with such tell-tale titles as The Brigade of Glory, Himself Came and The Sign of Maitreya. In The Sign of Maitreya we see a devout Tibetan surrounded by lofty peaks and praying to a colossal rock-hewn figure of Maitreya; and there passes before his mind's eye the figure of "The Great Horseman," riding across the sky in the form of a cloud. The Great Horseman is to be the great liberator of mankind.

Thus Roerich was at once a realist and an idealist: a realist who saw all too clearly the perils and dismays of humanity, and an idealist in cherishing and nourishing the hope for a brighter future. He was indefatigable in promoting the friendship between peoples of different regions, different races and different religions. In particular he promoted the friendship between the peoples of India and Russia. He was, as Dr Kalidas Nag said, "the first Russian Ambassador of Beauty who brought to India the deathless message of Art... and thus brought the soul of Russia and India together."

Roerich died in 1947, the year when India attained freedom. If he had lived for another quarter of a century, he would have rejoiced to see India and Russia drawing closer together in every field of human activity and concluding, in the grimmest hour of independent India's history, the momentous Indo-Soviet Treaty of Peace, Friendship and Cooperation.

Maxim Gorky described Roerich as "One of the greatest intuitive minds of our age." An all-embracing intuition lay at the base of his art. "His art says an eminent critic "knows no limitations of time and space, for he envisages the universe in its past, present and future as a unit, a continuous song, binding the Stone Age to the Age of Electricity."

The age of electricity has given way to the age of the atom. In the atomic age the dangers for civilisation have multiplied a hundredfold; so have the prospects for man's happiness. The life of Roerich who, with a brush and pen, mightier than the sword, carved out a path of Beauty in the thicket of Life, is an even greater source of inspiration in this harsh atomic age than in his own period.



К. П. Ш. МЕНОН

Президент Индийско-советского  
культурного общества,  
Посол Индии в СССР  
с 1952 по 1961 год

## НИКОЛАЙ РЕРИХ, ПИОНЕР ИНДИЙСКО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ

СТАТЬЯ НАПИСАНА СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ЮБИЛЕЙНОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА



Н. К. РЕРИХ (1874—1947 гг.)  
«РАССВЕТ В ГОРАХ». ТЕМПЕРА

Редко случается, чтобы человек пользовался в других странах таким же уважением, как у себя на родине. Николай Рерих был таким человеком. Столетие со дня его рождения — 9 октября отмечалось в крупнейших странах трех континентов: в России, где он родился и вырос; в Индии, где он жил последние двадцать лет своей жизни; в США, где находится богатейшее собрание его картин, размещенное в 29-этажном здании в Нью-Йорке, построенном в его честь в 1929 году. Николай Рерих пользовался всемирной славой, так как он был человеком интернационалистических идей. О Рерихе как-то сказали, что для него континенты были тем же, чем для других людей являются провинции. Во времена, когда мир был еще не так мал, как сейчас, и путешествовать было не так легко, Рерих ездил из страны в страну, с одного континента на другой, и везде чувствовал себя как дома.

И все же Рерих оставался русским до мозга костей. Душа славянина, как и душа индийца, всегда тяготела к беспредельности. Это тяготение в разные времена приобретало разные формы. Сама попытка построить коммунизм есть не что иное, как проявление этого стремления, — стремления низвести утопию с неба на землю или, пользуясь библейским выражением, создать «царство божие» на земле.

Царство божие не в религиозном смысле, а в смысле общества, где не будет эксплуатации человека человеком, где мужчины и женщины будут стремиться соблюдать элементарные добродетели.

Как художник, Рерих выражал свое стремление к беспредельности в величественных изображениях Гималаев, вечно устремленных в бездонное небо.

«Я горд, — говорил Рерих, — что мне выпало на долю прославить Гималаи в моих картинах. Любя Индию и будучи русским, я счастлив, что Гималаи с любовью и уважением запечатлены в русском искусстве».

Рериху было свойственно сознание возложенной на него высокой миссии, что было характерно для всех великих русских — Льва Толстого, Достоевского, Горького и Ленина. Отсюда его страстное стремление к миру. Им всегда владело беспокойство за судьбу великих творений искусства и исторических памятников, которым война грозит разрушением. Еще в 1904 году Рерих изложил перед Русским архитектурным обществом свой план Пакта и Флага мира, который в 1914 году представил на рассмотрение правительства. По условиям этого пакта все здания, на которых водружен спроектированный им Флаг мира, должны были быть неприкосновенными.

Этот пакт был ратифицирован более чем тридцатью государствами на Международном конгрессе Пакта и Флага мира, состоявшемся в Вашингтоне в 1933 году, и лег в основу Гаагской конвенции 1956 года об охране памятников. Советское правительство водрузило Флаг мира на второй по величине вершине Алтайских гор, пике Рериха.

Если Рерих был русским до «кончиков пальцев», то он и страдал из-за того, что был русским.

В 1924 году он организовал научную экспедицию, которая продолжалась почти пять лет. Путь экспедиции лежал через Сикким, Синцзянь, Монголию и Россию, и она должна была пересечь Памир и Тибет.

В то время антисоветская кампания достигла своего апогея. Черчилль метал громы и молнии против «грязного шутства коммунизма», а Пуанкаре против «России, этой ужасающей коммунистической пустыни». Британское правительство, владевшее тогда Индией, подозревало, что Рерих был русским шпионом, «носителем коммунистической угрозы». Оно заставило тибетские власти чинить всяческие препятствия экспедиции Рериха. Вот как рассказывает об этом сам Рерих:

«У нас были тибетские паспорта, и все же тибетские власти 6 октября насильно задержали экспедицию севернее Нагчу, до которого нам оставалось два дня пути. Грубо и бесчеловечно экспедицию в течение пяти месяцев держали на высоте 15 тысяч футов; члены экспедиции вынуждены были жить в летних палатках при температуре 40 градусов ниже нуля. Нехватало пищи и горючего. Пять человек бурято-монголов и тибетцев умерли, пало девяноста животных. По приказу властей все письма и телеграммы, адресованные правительству в Лхасе, американскому консулу в Калькутте и английским властям, утаивались. Членам экспедиции было запрещено покупать пищу у местного населения. Деньги и медикаменты кончились. Среди членов экспедиции были три женщины, у которых были медицинские свидетельства о наличии сердечных заболеваний, но и это не было принято во внимание. Только 4 марта экспедиции, наконец, разрешили продолжить путь на юг».

Если Россия была родиной Рериха, Индия была его домом. «Я всегда буду думать об Индии с тем же чувством радости, с каким думаешь о первом цветке на весенней лужайке».

Можно сказать, что связи Рериха с Индией носят чуть ли не наследственный характер. Имя Рерихов под Петербургом называлось Исвара — это самое священное имя в индуистской религии. Рерих говорил, что во времена Екатерины Великой поблизости жил индийский князь, и остатки парка, распланированного в стиле Великих Моголов, оставались там еще во времена его молодости. Дядя его жены отправился в Индию в середине 19 столетия и как-то появился на балу при петербургском дворе в пышном одеянии раджушта.

Он вспоминает, что еще будучи ребенком он любовался принадлежащей семейству Рерихов старой картиной, изображавшей гору Канченджангу, второй по величине пик Гималаев. Мальчику, восхищавшемуся изображением Канченджанги суждено было стать величайшим живописцем-пейзажистом Гималаев. «Когда смотришь на эти картины, говорил Премьер-Министр Джавахарлал Неру, то проникаешься духом этих величественных гор, возвышающихся над равнинами Индии как часовые, веками охраняющие нашу страну... Нельзя не испытывать глубокой признательности Николаю Рериху, который воплотил дух этих гор в своих великолепных полотнах».

Последние двадцать лет своей жизни, заполнен-

ные непрерывным трудом, Рерих провел в местечке Кулу у подножия Гималаев. Его опубликованные работы составляют 27 томов. Он написал 7000 картин, и каждая из них шедевр. Никому не удавалось с такой силой передать мощь, красоту, таинственность, великое безмолвие и изменчивый характер Гималаев, как это сделал Рерих в своих прекрасных картинах.

Разносторонность его интересов была поразительна. Он был ученым, писателем, художником, исследователем, археологом, мыслителем и философом. Вся его деятельность была пронизана гуманизмом. Уже в начале века он знал, что мир движется к войне. Он изобразил трагедию, пережитую человечеством, во многих картинах необычайной силы. Как красноречивы сами названия этих картин: «Зловещие признаки», «Утраченный ангел», «Сияющий блеск», «Обреченный город», «Город змей».

Но за страданиями сегодняшнего дня Рерих всегда видел перспективу мира во всем мире. Это свое видение будущего мира он воплотил в картинах с такими выразительными названиями, как «Мост славы», «Пришедший Сам», «Эмблема Матрейи». В этой картине мы видим набожного тибетца, возносящего молитвы Матрейе в окружении величественных горных вершин; перед его умственным взором возникает фигура «Великого всадника», пронзающего по небу в виде облака. Великий всадник — это освободитель мира.

Рерих был одновременно и реалистом и идеалистом; реалистом, который ясно осознавал опасности и тревоги человечества, и идеалистом, лелеявшим мечту о светлом будущем. Он неустанно стремился крепить дружбу между народами Индии и России. Как сказал д-р Калидас Наг, он был «первым русским послом красоты, принесшим в Индию бессмертный зов Искусства... и тем самым объединившим души России и Индии».

Рерих скончался в 1947 году, в год, когда Индия обрела свободу. Если бы он прожил еще четверть века, как он был бы счастлив, видя сближение Индии и России во всех областях человеческой деятельности; именно благодаря этому сближению в самый тяжелый период истории Индии был заключен важнейший индийско-советский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве.

Максим Горький назвал Рериха «одним из величайших интуитивных умов нашего века». Всеобъемлющая интуиция лежала в основе всего его искусства. «Его искусство, — говорил один выдающийся критик, — не ограничено временем и пространством, ибо он объемлет мир в его прошлом, настоящем и будущем как единое целое, как неумолкающую мелодию, объединяющую каменный век с веком электричества».

На смену веку электричества пришел век атома. В атомный век стократно возросли опасности, стоящие перед человечеством; но во сто крат увеличилось также перспективы человеческого счастья. Жизнь Рериха, который кистью и пером, более сильными, чем меч, прорубил в чаше жизни путь мира и красоты, сейчас, в наш суровый век, является еще большим источником вдохновения, для нас, чем при его жизни.





# Я ПРОСТО ОБОЖАЮ ИНДИЮ...

(ОБЗОР ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ)

Наш журнал получает очень много писем со всех концов нашей страны. И это вполне естественно: интерес советских людей к Индии постоянно растет, так как ширятся связи Советского Союза с этой страной. Советские люди всегда сочувствовали освободительной борьбе индийского народа и радовались его успехам. Когда Индия завоевала независимость в 1947 году, между обеими странами установились дипломатические отношения. С тех пор год от года растут и ширятся связи с Индией во всех областях. Советский Союз и Индия вместе отстаивают дело мира на международной арене, выступают в поддержку народов, борющихся за свое освобождение. Большим вкладом во взаимопонимание и дружбу обеих стран явились личные контакты и встречи руководителей Индии и Советского Союза и особенно поездка Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева в Индию в ноябре 1973 года.

Пожалуй, нет такой области жизни индийского народа, к которой советские люди не проявляли бы интереса. Наши читатели интересуются буквально всем: жизнью, историей, географией Индии, ее культурой, искусством, прикладными ремеслами, природными условиями. В своих письмах они спрашивают о тех прогрессивных изменениях, которые произошли в Индии со времени завоевания независимости, о советско-индийском сотрудничестве, о проблемах, стоящих перед этой страной, и о том, как она их решает. И все письма наших читателей объединяет одно — чувство дружбы к народу Индии, строящему новую жизнь, несмотря на трудности.

«Зовут меня Аида, живу я в солнечном Дагестане, в Махачкале. Я выписываю ваш журнал, он мне очень нравится, особенно когда вы помещаете фотографии из чудесных индийских кинофильмов. Я просто обожаю Индию. Любовь к этой прекрасной стране нельзя передать в одном письме».

*Аливердиева Аида, г. Махачкала*

Многие читатели благодарят наш журнал за то, что он дает им возможность еще лучше узнать Индию, познакомиться со всем многообразием ее достижений и проблем.

«Я являюсь читателем вашего журнала вот уже пять лет. Благодаря вам я узнал жизнь индийского народа, его традиции, историю и культуру, а также задачи, стоящие перед этой страной. Ваш журнал служит богатым источником информации об Индии для всех, кто хочет лучше узнать об успехах этой страны в области экономики, а также науки и техники. Я благодарю работников журнала за их работу по представлению нам хорошей информации об Индии. Пусть ширится сотрудничество между Индией и Советским Союзом! Желаю вам успехов в вашей работе!»

*Виктор Ларионов, г. Ижевск*

Основной контингент наших читателей — это учащаяся молодежь. И вполне естественно, что

их интересуют вопросы, связанные с жизнью индийской молодежи. Следует отметить, что часто нам пишут не отдельные читатели, а целые клубы интернациональной дружбы, организованные в школах, техникумах, профессионально-технических училищах и т. д.

«Пишут вам члены клуба интернациональной дружбы школы № 7 города Жигулевска. Наш клуб существует уже 13 лет. Состоит он из 11 секций. Секция переписки самая значительная и многочисленная. На своих заседаниях, вечерах и встречах мы узнаем много нового о разных странах мира, читаем письма и отвечаем на них. Нашей целью является участие в борьбе за мир, укрепление дружбы с ровесниками из других стран. Мы интересуемся жизнью индийских детей и молодежи, как они учатся, работают и отдыхают. Интересные статьи о наших сверстниках мы встречаем в вашем журнале. Хотелось бы, чтобы таких статей было больше».

*г. Жигулевск*

Большинство наших читателей очень интересуется индийским кино. В своих письмах они просят нас помещать материалы о новых фильмах, о том, над чем работают сейчас крупнейшие индийские режиссеры и актеры — Радж Капур, Сатьяджит Рей и другие.

«Мое имя — Маргус Иванов. Я живу в Эстонской ССР, по национальности — эстонец, мне 15 лет. «Индия» — интересный журнал, там много интересных статей. Из вашего журнала я узнаю, как живет и работает народ этой чудесной страны. Я очень люблю индийские кинофильмы, я видел все фильмы, которые шли на наших экранах, причем многие смотрел по несколько раз».

*М. Иванов, г. Тарту*

Многие читатели собирают материалы по индийскому кино, и поэтому просят нас уделять в наших статьях больше места сообщениям об индийском киноискусстве. Об этом пишет, в частности, С. Чаркина из города Уральска.

«Вот уже четыре года я выписываю журнал «Индия». У меня есть альбом, в котором я храню материалы, посвященные индийскому кино: фотографии артистов, рассказы и статьи об индийских режиссерах и т. д. По-моему, в журнале надо уделять больше внимания киноискусству Индии. Мне очень нравится оформление журнала, выполненное художником Козновым О. А. Большое ему спасибо! Большое спасибо вам за очень хороший и интересный журнал! Желаю новых успехов в вашем благородном деле — в укреплении дружбы между советским и индийским народом!»

Что ж, идя навстречу пожеланиям наших читателей, мы ввели постоянную рубрику: журналист и кинокритик Феликс Андреев на страницах журнала рассказывает о наиболее выдающихся фильмах и мастерах кино дружественной Индии.

Мы получали и получаем также много писем от советских филателистов, в которых они просят нас рассказать об индийской филателии. И вот в одном из номеров нашего журнала была опубликована большая статья «Сокровища индийской филателии», на которую наши читатели откликнулись большим количеством писем.

Иногда мы получаем просьбы, которые мы просто не в состоянии выполнить. Однажды мы получили письмо от Зои Федоровой из Казахской ССР:

«Читая ваш журнал «Индия», я нашла одну статью «Древнейшая музыкальная культура». Из этой статьи я узнала об одном из самых популярных инструментов Индии — тампуре. Позже в одном из индийских кинофильмов я увидела, как играют на этом инструменте. Мне очень понравилась эта лирическая нежная мелодия». Она просила нас помочь ей в приобретении индийского музыкального инструмента — тампура. У редакции нет совершенно никаких возможностей помочь ей в этом, так что пришлось огорчить ее отказом.

Не обходится дело и без курьезов. На обложке одного из наших журналов за 1972 год была изображена кукла в национальной одежде штата Раджастан. Так вот, одной из наших читательниц показалось, что это — знаменитая индийская кинозвезда Мина Лакшми, и она просила нас передать ей свои самые лучшие пожелания!

Все читатели единодушно отмечают, что журнал дает довольно полную картину жизни современной Индии. Типичным в этом отношении является письмо В. Шевцова из Новгорода:

«Журнал «Индия» дает широкую картину жизни современной Индии, а также помещает много материалов о древних традициях этой страны. Журнал хорошо оформлен, и публикуемый материал вызывает большой интерес. Я регулярно читаю ваш журнал, и каждый раз узнаю много нового об этой дружественной стране». И, конечно, всех наших читателей объединяет чувство дружбы к индийскому народу. Все они в своих письмах желают народу Индии успехов на пути построения новой Индии, основанной на идеалах ее великого сына, борца за счастье простых людей, большого друга Советского Союза Джавахарлала Неру.

«Нас с мужем всегда интересовали культура и искусство Индии. Вот уже три года мы являемся постоянными читателями вашего журнала, в котором находим много интересного материала. От всего сердца радуемся успехам Индийской Республики».

*Супруги Козловы, г. Москва*

Уважаемые читатели! Мы рады вашим письмам и делаем все, чтобы ответить на них как можно полнее. По возможности мы стараемся также и учесть ваши пожелания.





Н. К. РЕРИХ (1874—1947) гг.) «НА ВЫСОТАХ». 1906 г. ХОЛСТ, ТЕМПЕРА



9 ОКТЯБРЯ 1974 ГОДА В ДОМЕ ДРУЖБЫ  
С НАРОДАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН  
В МОСКВЕ СОСТОЯЛОСЬ  
ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ  
В ЧЕСТЬ СТОЛЕТИЯ  
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ  
ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО  
ХУДОЖНИКА, УЧЕНОГО  
И ПУТЕШЕСТВЕННИКА Н. К. РЕРИХА.  
НА ЗАСЕДАНИИ ВЫСТУПИЛ К. П. Ш. МЕНОН,  
ПРЕЗИДЕНТ ИНДИЙСКО-СОВЕТСКОГО  
КУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА







донь сидящего перед ним человека, говорил: «Твои усилия не всегда бывают должным образом вознаграждены», девять клиентов из десяти были готовы с этим согласиться. Или он спрашивал: «Есть ли в твоей семье женщина, может быть даже дальняя родственница, которая плохо к тебе расположена?» Анализируя характер клиента, он говорил: «Все беды идут от твоего характера. На это указывает расположение Сатурна. У тебя пыльная натура и суровая внешность». Этим он сразу располагал к себе, потому что даже самым робким нравилось думать, что их внешность может наводить страх на других.

Продавец орехов задул огонь и поднялся, чтобы уйти. Это означало, что астрологу тоже пора собираться, иначе он остался бы в темноте, — только слабый зеленоватый луч, идущий неизвестно откуда, высвечивал перед ним кусочек земли. Он собрал раковины каури и остальные свои принадлежности, как вдруг кто-то загородил зеленый свет. Он поднял глаза: перед ним стоял какой-то человек. Чувствуя, что он может оказаться клиентом, астролог произнес:

— Ты измучен заботами. Присядь, поговори со мной и тебе станет легче. Человек проворчал что-то неразборчивое, но астролог был настойчив. Тогда человек сунул ему руку прямо под нос и сказал:

— Значит, ты называешь себя астрологом?

Астролог почувствовал себя уязвленным. Держа руку незнакомца так, чтобы на нее падал зеленый луч, он начал:

— Характер у тебя...

— Перестань, — перебил его человек, — лучше расскажи мне что-нибудь дельное.

Астролог начал испытывать раздражение.

— Я беру только три пайсы за вопрос, и то, что я тебе расскажу, будет стоить этих денег.

Человек высвободил руку, вынул из кармана анну и бросил ее астрологу.

— Я хочу узнать ответы на кое-какие вопросы. Если я уличу тебя в обмане, тебе придется вернуть мне эти деньги с процентами.

— А если мои ответы удовлетворят тебя, ты дашь мне пять рупий?

— Нет.

— Может быть, ты дашь мне восемь анн?

— Хорошо, но если ты ошибешься, то вернешь мне вдвое больше.

После короткого спора условия были приняты, и пока астролог слал небесам молитвы, незнакомец закурил дешевую сигарку. Свет от зажженной спички упал на его лицо. Астролог замолчал. На дороге гудели автомобили, возницы ругали лошадей, и слабый гул толпы оживлял полутемный парк. Незнакомец сидел, дымя сигаркой, и в его позе было нечто зловещее. Астрологу стало не по себе.

— Послушай, — сказал он, — возьми свою анну назад. Я не привык к таким спорам. Уже поздно...

Он начал складывать пожитки. Человек схватил его за руку:

— Ты не можешь теперь отказаться. Ты сам втянул меня в эту затею.

Астролог вздрогнул и промолвил слабым и нетвердым голосом:

— Оставь меня сейчас. Я поговорю с тобой завтра.

Человек поднес руку к его лицу:

— Спор есть спор. Продолжай.

Чувствуя, что у него начинает пересыхать в горле, астролог заговорил:

— Есть одна женщина...

— Стой, — сказал незнакомец, — мне не нужно всей это чепухи. Ответь, будут ли мои сегодняшние поиски успешными и можешь идти на все четыре стороны. Иначе ты не уйдешь до тех пор, пока я не вытрясу из тебя все твои монеты.

Пробормотав какие-то заклинания, астролог ответил:

— Хорошо. Я буду говорить. Но если мои слова будут убедительными, ты дашь мне рупию. Иначе я не раскрою рта.

После долгого торга незнакомец наконец согласился. Тогда астролог сказал:

— Тебя бросили, посчитав мертвым. Верно?

— Давай дальше.

— Тебя ударили ножом?

— Молодец! — человек обнажил грудь и показал шрам. — Что еще?

— Потом тебя бросили в колодец неподалеку от поля. Тебя бросили, посчитав мертвым.

— Я бы и умер, если бы какой-то прохожий случайно не заглянул в колодец, — в восторге воскликнул незнакомец. Сжав кулаки, он спросил:

— Когда я найду его?

— В этом мире ты его уже не найдешь, — ответил астролог. — Он умер четыре месяца назад, далеко отсюда. Ты никогда больше его не увидишь.

Услышав это, незнакомец застонал. Астролог продолжал:

— Гуру Найак...

— Как, тебе известно мое имя! — воскликнул пораженный незнакомец.

— Так же, как мне известно все остальное. Гуру Найак, слушай меня внимательно. Если ехать отсюда на север, то до твоей деревни будет два дня пути. Садись на первый же поезд и уезжай. Я вижу, что, если ты останешься, твоей жизни опять будет грозить опасность.

Он взял щепоточку священного пепла и протянул незнакомцу.

— Потри этим лоб и уезжай. Никогда не путешествуй больше на юг, и ты доживешь до ста лет.

— Да мне больше и незачем уезжать из дома, — задумчиво проговорил незнакомец. — Я просто хотел найти его, чтобы выпустить из него весь дух.

Печально покачивая головой, он добавил:

— Он ускользнул из моих рук. По крайней мере, я надеюсь, что он умер смертью, которую заслужил.

— Да, — ответил астролог, — его задавил грузовик.

Этот ответ, казалось, обрадовал незнакомца.

К тому времени как астролог собрал свое имущество и засунул его в мешок, вокруг уже не было ни души. Зеленый луч света тоже исчез, было темно и тихо. Ушел в ночь и незнакомец, дав астрологу пригоршню монет.

Была уже почти полночь, когда астролог вернулся домой. Жена встречала его у входа. Она ждала объяснений. Он сунул ей монеты:

Сосчитай. Все это мне дал один человек.

— Двенадцать с половиной анн, — обрадованно воскликнула она. — Завтра можно будет купить пальмового сахара и кокосовых орехов. Дочка уже так давно просит сладостей. Я приготовлю ей что-нибудь вкусное.

— Значит, этот негодяй обманул меня, — воскликнул астролог, — ведь он обещал рупию.

Жена взглянула на него.

— Ты выглядишь озабоченным. Что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего.

Сидя после ужина на кровати, он сказал жене:

— Знаешь, сегодня у меня будто камень с души свалился.

Все эти годы я считал, что на моей совести человеческая жизнь. Поэтому я и уехал из дома, поселился здесь и женился на тебе. Так вот, он жив.

— Ты пытался убить человека! — испуганно воскликнула она.

— Это случилось в нашей деревне. Я был тогда молод и глуп. Мы выпили, сели играть в карты и сильно поссорились — да что теперь вспоминать об этом? Пора спать, — сказал он зевая и растянулся на кровати.

ПЕРЕВЕЛ В. ИВАНОВ



INTERNATIONAL CLIPPING SERVICE

Bombay

Client:

Subject:

tist Samuel Mohite and Luke Postwaity were very good as also the cellist George Lester and the first violin Marcell Martins.

The choir sang with great enthusiasm and feeling, the whole being, as is necessary, greater than the sum of its parts.

The trumpets sounded, the lilies of the field that neither toiled nor spun, were considered. We were reminded that no man is an island. Becket may not agree nor the man in the flat across the landing. But Father Fernandes provided a truly wonderful evening.

A UNIQUE process of woodcut printing without the aid of a press was demonstrated by an American printmaker-Carol Summers to a group of students from J. J. School of Arts on October 10-11.

Mr. Summers has created a world of bold forms and colours using a few simple materials like Japanese paper, painting inks, paint thinners, rollers of varying sizes, and, of course, plywood and firewood for the block. His process of printing is closer to painting than the mechanical printing of a press, giving tremendous satisfaction while working even though it has to be very systematic.

The opportunity of working in this method with Mr. Summers and his wife Joan Summers were found valuable by the students and really inspiring.

In the past, in 1970, there was a small workshop in the Sir J. J. School of Art under the guidance of Paul Lingren and a major one in Delhi where many of the practicing artists of Delhi and Bombay got involved in the process of print making. This workshop was a great contribution to the Graphic Art movement. If such workshops for a period of at least three months are organised, many more young painters can use them fruitfully. Gestures from the USIS, are of considerable value particularly in such fields.